

Н. Д. КОЧЕТКОВА

СЕМЕЙНЫЕ ПОСВЯЩЕНИЯ В РУССКИХ ИЗДАНИЯХ XVIII ВЕКА

Опираясь на свидетельства отечественных мемуаристов, а также зарубежных наблюдателей, Н. Д. Чечулин отмечает прочность семейных связей как одну из характерных черт русской жизни XVIII столетия.¹ Исследователь останавливается на размышлениях П. А. Вяземского в связи с его рассказом о семье Оболенских: «Теперь семейное начало потрясено и урезано, на Западе еще более, нежели у нас. Семейства раздроблены, одни личности выступают вперед. <...> Семейное начало есть начало, есть почва, на которой зиждется и общественное. Если не признавать семейного авторитета и даже не приучаться уважать его, едва ли будем мы способны уважать авторитет общественный и честно и с любовью служить ему. Если мы из родительского дома выносим начало розни, то неминуемо внесем ту же рознь и в общество».² С большим сочувствием цитируя эти строки, Н. Д. Чечулин отмечает: «Холодность, индифферентность между родственниками тогда были редки и казались странными».³

Конечно, картина семейных отношений далеко не всегда была идиллической, но даже отдаленное родство имело немаловажное значение, в том числе, конечно, и при покровительстве. Достаточно вспомнить комический эпизод, рассказанный Д. И. Фонвизинным в дневнике его последней поездки за границу (1786—1787). При возвращении, по прибытии в Киев, во время сильного дождя трактирщик не хотел открывать ворота путешественникам. Про-

¹ Чечулин Н. Д. Русская провинция во второй половине XVIII века. СПб., 2010. С. 413—419.

² Вяземский П. А. Московское семейство старого типа // Русский архив. 1877. Кн. 1. № 3. Стб. 314.

³ Чечулин Н. Д. Русская провинция... С. 417.

вожавший их мальчик закричал: «Отворяй: родня Потемкина!». «Лишь только произнес он сию ложь, — рассказывает писатель, — в ту минуту ворота отворились, и мы въехали благополучно. Тут почувствовали мы, что возвратились в Россию».⁴

В некоторых посвящениях литераторы благодарили знатных покровителей за милости, полученные не только ими самими, но и их близкими. Так, например, Т. П. Кириак⁵ благодарил В. И. Бибикова как «виновника счастья» своего «любезного брата».⁶ Максим Сапожников, посвящая Г. П. Гагарину перевод, осуществленный его покойным братом Федором Сапожниковым,⁷ писал: «...брат мой, трудившийся в переводе сей книги, и я, посвящающий оную Вашему сиятельству, первые пред целым светом превозносим имя и милости Ваши. Книга сия посвящается не от меня собственно, но от трудившегося <...> а я, брат его, будучи благодетельствован Вашим сиятельством, приношением сего перевода отдаю долг и моей признательности к милостям и брата моего желанию, который хотя ныне уже мертв, но предписывает мне быть благодарным; он чувствовал: я и ныне вкушаю Ваши благотворения; посвящаю Вашему сиятельству себя и книгу брата моего...».⁸ С. Орлов⁹ в дедикации благодарил М. В. Олсуфьеву за «великие благодеяния и милости», которыми его «сродники многократно имели счастье пользоваться».¹⁰ Подобные примеры можно умножить.

Противопоставление личной заслуги «знатной породе», начавшееся с петровских преобразований, получило деятельную поддержку у русских писателей, начиная с А. Д. Кантемира. Тем не менее дворяне на протяжении всего столетия стремились подчеркнуть древность своего рода и заслуги предков. С этим был непосредственно связан их интерес к собственным родословиям. Одно из ярких свидетельств такого интереса в последние десятилетия XVIII в. — многочисленные родословия, составлявшиеся по за-

⁴ Фонвизин Д. И. Собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 571.

⁵ См. о нем: Фоменко И. Ю. Кириак (Кириак, Кирияков) Т. П. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2: (К—П). С. 59—60.

⁶ [Саси К.-Л.-М.]. Игра счастья / Переведено с французского. СПб., 1778. С. 5 нenum.

⁷ См. о нем: Данилевский Р. Ю. Сапожников Ф. И. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3: (Р—Я). С. 96—97.

⁸ [Людовици К. Г.]. Начертание полной купеческой системы <...> в пользу российского купечества переведенное надворным советником Федором Сапожниковым. М., 1789. С. 6—7 нenum.

⁹ См. о нем: Рак В. Д. Орлов С. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2: (К—П). С. 388—389.

¹⁰ Краткое домашнее нравственное воспитание для детей всякого состояния / Перевод с немецкого <С. Орлова>. М., 1787. С. 5 нenum.

казу монахом Ювеналием (И. Г. Воейковым, 1729—1807).¹¹ Обращаясь с письмом к одному из своих заказчиков П. Ф. Карабанову, Ювеналий Воейков заявлял: «Сей труд и старание мое клонилось не к иному чему, а единственно, чтобы для незабвенной памяти предков ваших представить свету их превосходные деяния: храбрость, ратоборство, мужественное ополчение и проч.: а вам и потомкам вашим преизящный пример подражания оным».¹²

В. А. Левшин, происходивший из дворянского обедневшего рода и вынужденный добывать средства литературной работой,¹³ настолько дорожил своей родословной, что, тщательно собрав связанные с ней материалы, издал их отдельной книгой и посвятил ее всем своим родственникам:

«Любезные родственники! Благородные дворяне Левшины!

Усердие и почитание мое ко всем вам единокровным моим понудило меня приступить к сочинению полного нашего родословия, а потом и к печатанию оно: дабы всяк из нас, в каком бы месте ни жил, мог знать чрез то как о выезде своей фамилии, так праотц и поколении, от которого происходит; да притом, чтоб все мы, быв отрасли от единого праотца и обитая во отдаленных округах разных губерний, не учинили бы разноречия в подании поколенных росписей на основании Всемилостивейшей грамоты, пожалованной дворянству».¹⁴

Придавая исключительно большое значение родственным связям, Левшин при этом старался решительно отмежеваться от своих однофамильцев, замечая: «Другое, не меньше важное для всех нас обстоятельство побуждало меня к трудам таковым. Небезызвестно вам, любезные родственники, что некоторые, незнаемо почему, приняв прозвание нашего роду, пишутся Левшины и чрез то делают нам честь, которой мы никогда не просили и без которой легко можем обойтись».¹⁵

Подробно рассказывая о предпринятых им архивных разысканиях, Левшин упоминал также и о тех своих «единокровных», которые помогли ему в сборе сведений, называя персонально

¹¹ См. о нем.: *Николаев С. И.* Воейков И. Г. (в монашестве — Исаакий, Ювеналий или Иувиналий) // *Словарь русских писателей XVIII века.* Л., 1988. Вып. 1 : (А—И). С. 164—165.

¹² Краткое историческое родословие благородных дворян Коробановых, сочинил игумен Ювеналий Воейков / Печ. иждивением премьер-майора Павла Феодоровича Коробанова. М., 1795. С. 5 нунум.

¹³ См. о нем: *Пухов В. В.* Левшин В. А. // *Словарь русских писателей XVIII века.* Вып. 2 : (К—П). С. 198—201.

¹⁴ *Левшин В. А.* Родословная книга благородных дворян Левшиных / Печ. на иждивении полковника Павла Федуловича и коллежского асессора Гавриила Федуловича Левшиных. М., 1791. С. III нунум.

¹⁵ Там же. С. IV.

каждого из них: «Алексей Андреевич, Гавриил и Павел Федоровичи, Федор Алексеевич, Петр Алексеевич и Николай Иванович Левшины». Автор с гордостью обращал внимание «любезных родственников» на заслуги их общих предков:

Со удовольствием благородного сердца воззрите, любезные родственники, на сию сокращенную картину истории нашей фамилии, в течение многих веков здесь изображенную: вы не увидите в ней, кроме верных сынов отечеству, oprичь верных подданных всероссийскому престолу, и ни одного изменника, ни одного наказанного, ниже который бы положил на род наш пятно, коего должны были мы стыдиться.

Во все смутные времена, толико раздиравшие недра нашего отечества, когда столько фамилий пострадали от соблазнов, предки наши вышли со славою гордящихся патриотов, вынесли раны или пролили кровь свою за истинную сторону и отечество: верность и храбрость их увенчана свидетельством самых российских монархов; от них приняли они мзду подвигов своих в награждениях...¹⁶

Этот достаточно обширный экскурс Левшин заключал непосредственным обращением к адресатам своего посвящения:

«О, любезные родственники, с каким удовольствием посвящаю я вам сей труд мой, сию картину литеральную примеров, кои должны мы иметь всегда в очах наших! Примите мое приношение вам, удостойте благоволения вашего труд мой, но чем? Прошу вас, да составит он книгу классическую при воспитании детей ваших: внушайте им деяния их предков, образцы, достойные подражания, и старайтесь да умножит потомство наше заслуги нашего рода, да не явит в себе кроме верных подданных, истинных и верных сынов отечества. Уверен, что желания ваши с моими согласны и в их расположениях с любовью и почитанием есмь, любезные родственники!

Ваш не лестный друг и покорнейший слуга
Василей Левшин, вотчинник Термянской
Августа 20 дня 1788 года. В Термьяне».¹⁷

Это посвящение стоит как бы особняком среди других дедикаций, включая посвящения самого Левшина к его прочим трудам.¹⁸ Вместе с тем это показательный знак трансформации жанра, возможности которого расширяются.

В русских изданиях XVIII столетия начинают появляться не только дружеские посвящения,¹⁹ но и семейные, что было связа-

¹⁶ Там же. С. VI.

¹⁷ Там же. С. VIII.

¹⁸ Среди адресатов его посвящений были весьма влиятельные люди: «государев наместник» в Калужской, Тульской и Рязанской губерниях М. Н. Кречетников; тобольский губернатор Д. И. Чичерин; сенатор князь П. М. Волконский.

¹⁹ См.: Кочеткова Н. Д. Дружеские посвящения в русских изданиях XVIII века // XVIII век. СПб., 2011. Сб. 26. С. 132—168.

но с усилением личностного начала и в самой литературе. В том и в другом случае действовали сходные принципы. Если правомерными оказывались дедикации не только государю, но и членам его семьи, то — соответственно — не только вельможе, но и его близким: жене, детям. Немаловажное значение приобретали в дедикациях упоминания родительских заслуг адресата.

Крепостной литератор В. Г. Вороблевский,²⁰ посвящая своему господину Петру Борисовичу Шереметеву (1713—1788) перевод книги П. О. Аллеца «Сокращенное описание жизни Петра Великого...» (1771), писал: «...окончав переводом сию малую книжку, но весьма великие и преславные дела Петра Великого содержащую, в которой также и военные дела покойного родителя Вашего заключаются, дерзаю посвятить имени Вашего сиятельства в знак моей чувствительнейшей благодарности, ибо Вы виновники моего благополучия и счастья».²¹ Упоминание о славном фельдмаршале, сподвижнике Петра I Борисе Петровиче Шереметеве (1652—1719), вполне уместное на страницах этой книги, несомненно, было приятно его сыну Петру Борисовичу. Впоследствии Вороблевскому была доверена библиотека графа, и среди рукописей он обнаружил сочинение П. Н. Крекшина о Петре I. Издавая это «Сказание о рождении, воспитании и наречении на всероссийский царский престол его царского пресветлого величества государя Петра Первого...» (1787), Вороблевский также сопровождал его дедикацией П. Б. Шереметеву.²²

В следующем году появилась другая книга Крекшина — «Краткое описание славных и достопамятных дел императора Петра Великого...» (1788). Она была опубликована книгоиздателем и книгопродавцем Т. А. Полежаевым, который тоже предпослал тексту посвящение П. Б. Шереметеву. Полежаев не преминул упомянуть о «дражайшем родителе» адресата и, подчеркивая соразмерность заслуг отца и сына, писал: «...издавая, за необходимо нужное почел я украсить ее [книгу. — *Н. К.*] именем Вашего графского сиятельства яко достойнейшего наследника Вашему родителю в добродетелях и славе, описываемых в сей книге».²³

²⁰ См. о нем: Кузьмин А. И. Вороблевский В. Г. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1 : (А—И). С. 175—176.

²¹ [Аллец П. О.]. Сокращенное описание жизни Петра Великого, императора всея России / Переведено с французского. СПб., 1771. С. 5—6 нenum.

²² Это посвящение было сохранено и во 2-м тиснении книги: М., 1795.

²³ [Крекшин П. Н.]. Краткое описание славных и достопамятных дел императора Петра Великого... СПб., 1788. С. 5 нenum. Во 2-м и 3-м тиснениях (1789 и 1794) посвящение отсутствует.

Иногда, чтобы заслужить расположение человека, занимавшего какой-либо значительный пост, или высказать ему благодарность за благодеяние, книга «дедиковалась» его сыну. Так, С. И. Писарев²⁴ посвятил один из своих переводных трудов «благородному и почтенному господину лейб-гвардии Конного полку капралу Кириллу Семеновичу Нарышкину». «Почтенный господин» еще не вышел из отроческих лет, о чем упоминал и переводчик, стремившийся таким образом угодить его отцу — видному вельможе Семену Кирилловичу Нарышкину (1710—1775), генерал-аншефу и обер-егермейстеру:

«Чувствуя то благодеяние, коим я от Вашего великодушного родителя одолжен, побужден себя нашел оказать хотя малейший, однако усерднейший знак моей благодарности чрез приписание Вам сея моего труда книжки. С тем упованием, что она, яко древностию славных мужей мнения и нужные к жизни наставления в себе содержащая, ко украшению Ваших отроческих нравов не бесполезна будет...»²⁵

Обращаясь к юному Кириллу Семеновичу, Писарев восхвалял его отца как «ревностного науколюбителя», прилагающего «неусыпное попечение» о воспитании сына. Семен Кириллович был человеком образованным: в 1742 г. он находился в Англии в качестве русского посланника; был близок с А. Д. Кантемиром, занимался литературной деятельностью.²⁶ Позднее переводчик Л. И. Краузолд, надеясь на участие и помощь С. К. Нарышкина как обер-егермейстера в деле сбережения и описания лесов, посвятил ему свой перевод книги И. Г. Бекмана «Лесной времяник...» (1773).

В. Г. Рубан,²⁷ хорошо знавший толк в «ласкательстве», обратился со стихотворным посвящением к младенцу — сыну графа В. Г. Орлова Александру Владимировичу (1769—1787). «Дедикованной» ему книгой был перевод «Отроческого наставления» М.-А. Мюре, в котором содержалось подходящее поучение: «Во-первых, Бога чти и чти тебя родивших...»²⁸ О том, что

²⁴ См. о нем: Николаев С. И. С. И. Писарев // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 : (К—П). С. 437—438.

²⁵ Гномологик, или Собранные из разных творцов мнения Хрисолоровы <...> / Переведено с эллиногреческого языка статским советником Стефаном Писаревым. [М.], 1767. С. 5 нenum.

²⁶ См. о нем: Русский биографический словарь. СПб., 1914. Т.: «Нааке-Накенский—Николай Николаевич». С. 97—98; Кросс Э. Г. У Темзских берегов: Россияне в Британии в XVIII веке. СПб., 1996. С. 26.

²⁷ О нем см.: Николаев С. И. В. Г. Рубан // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 : (К—П). С. 68—72.

²⁸ [Мюре М. А.]. Марка Антония Мурета <...> Отроческое наставление, данное племяннику его М. Антонию Мурету в 1578 году / Перевел с латинских стихов на российские переводчик Василей Рубан. СПб., 1770. С. 7 нenum.

А. В. Орлов был еще в весьма нежном возрасте, свидетельствуют строки:

Орлов! Хотя еще ты днесь птенец молодой;
Но орлей бодрости уж есть в тебе приметы
И в самые сии твои юнейши леты.
Подобие мы зрим в твоих чертах лица
Разумной матери и мудрого отца,
Приятной коих ты усмешкой узнаваешь
И тем взаимно их обеих утешаешь.²⁹

Стремясь угодить всем могущественным в это время Орловым, Рубан желал новому члену их семейства быть подобным не только его отцу, но и «дядьям», то есть фавориту императрицы Г. Г. Орлову и его братьям.

Переводчик, подписавшийся инициалами «А. З.», в 1796 г. посвятил свой труд юному прапорщику Семеновского полка Ивану Николаевичу Дурново (р. 1784),³⁰ напоминая ему о заслугах его отца: «Вы, подражая как добродетелям, так ревности и усердию родителя Вашего к службе, не оставляете особенно упражняться в науках, к подвигам воинским надлежащих».³¹ Речь шла, по всей очевидности, о Николае Дмитриевиче Дурново (1733—1815), который в течение многих лет служил в Семеновском полку, а к этому времени был генералом-кригс-комиссаром и сенатором.

Порадовать родителей могли и посвящения, адресованные их дочерям. Если сыновьям посвящались книги, преимущественно поощрявшие занятия воинской службой, то дочерям — сочинения, которые могли и наставить, и развлечь, и утешить. Так, студент Санкт-Петербургского водоходного училища Козьма Голубянский, переведший сборник сказок «Забавные вечера...» (1789), открыл книгу стихотворным посвящением Любове и Надежде Акининым. Главным же адресатом фактически был их отец, как явствует из заглавного текста:

«Его Высокоблагородия Санктпетербургского губернского магистрата председателя Никиты Ивановича Акинина детям, благовоспитываемым девицам Любове Никитишне и Надежде Никитишне,

²⁹ Там же. С. 5 нenum.

³⁰ И. Н. Дурново служил в Семеновском полку с 1793 по 1811 г., постепенно повышаясь в чинах, в 1809 г. он стал полковником, в 1811 г. переведен в 18-й Егерский полк. См.: *Дирин П.* История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1883. Т. 2. С. 77.

³¹ Искусный полководец, или Правила, как в поле давать сражения... / Перевод с иностранного. М., 1796. С. 3 нenum.

Всеусерднейшее приношение от переводчика».³²

Далее следовали стихи, содержавшие и комплиментарную часть, и некоторое поучение:

Младых *Акининых* сестр милая чета!
Любовь с Надеждою, которых красота
Во нежной юности являться начинает
И тем родителей сердца увеселяет:
Вы радований Их единственный предмет,
Старайтесь среди цветущих жизни лет
Не столько телеса, как души украшати
И тщитесь разум свой ученьем просвещати
Прилежным чтением, в свободно время, книг
И, что полезно есть, то замечайте в них.
На сей конец Вам суть и Сказки подносимы,
Чрез кои детские умы руководимы
К благотворению и нравов чистоте,
К презрению пышности, к любви ко простоте...³³

Посвящая юным Храповицким свое «Собрание новых романсов и песен» (1798), С. Н. Глинка уже не называл ни должности, ни даже имени их отца (по-видимому, Ивана Юрьевича Храповицкого, 1739—1800), а имена адресатов скрыл за инициалами: «Милостивым государыням П... И., С... И. и А... И... Хрпвцкм». Однако в этих посвячительных стихотворных строках тоже прозвучала тема родительской любви и привязанности к ним детей:

<...>

Тот, кто таких, как вы, родителей имеет,
Тот может ли грустить?
Старайтесь всегда отрадою им быть;
Они живут для вас, и вы для них живите.
И дни осенние с весенними сравните.³⁴

Родственные связи получали самое разное отражение в дедикациях. Так, например, своеобразный семейный подарок составили «Лирические переводы Василья Вороблевского» (1779). Книга включала несколько переведенных им пьес, ставившихся в театре Шереметевых. Почти каждая из них имела свое особое по-

³² Забавные вечера, или Собрание нравственно-увеселительных детских сказок, говоренных наизусть по вечерам / Переведены с немецкого языка Санктпетербургского водоходного училища студентом Козмою Голубянским. СПб., 1789. С. 3 нenum.

³³ Там же. С. 5 нenum.

³⁴ Собрание новых романсов и песен с прибавлением некоторых мелких стихотворений, изданное С. Глинкою. М., 1798. С. 3 нenum.

священие: перевод пьесы де Ферьера «Башмаки Мордоре», открывавший сборник, был посвящен Петру Борисовичу Шереметеву; затем следовал перевод пьесы «Живописец, влюбленный в свою модель», с посвящением Алексею Кирилловичу Разумовскому (1751—1818), зятю П. Б. Шереметева, женившемуся в 1774 г. на его дочери Варваре Петровне; затем перевод пьесы «Опыт дружбы» с посвящением Николаю Петровичу Шереметеву (1751—1809), сыну Петра Борисовича, и, наконец, перевод пьесы «Две сестры» с посвящением Варваре Петровне Разумовской (урожденной Шереметевой, 1759—1824).³⁵

Посвящение члену семьи влиятельного человека иногда могло быть более действенным, чем лестная дедикация ему самому. Уместно в этой связи вспомнить историю с одним из посвящений Н. П. Осипова,³⁶ который оказался замешанным в политическом процессе А. Н. Радищева и был вызван в Тайную канцелярию. Обдуманно отвечая на допросах известного сыскных дел мастера Степана Ивановича Шешковского, он сумел отвести нависшую угрозу и воспользовался покровительством сына С. И. Шешковского — Ивана Степановича. Ему Осипов посвятил один из главных своих литературных трудов — «Вергилиеву Енеиду, вывороченную наизнанку» (1791).

Таким образом, побуждения и цели, с которыми литераторы «приписывали» свои труды родственникам влиятельной персоны, были очень различны, но главным адресатом в конечном счете оставалась именно эта персона. Традиция обращения к «миловитцу» с надеждой получить его покровительство была очень устойчива.

Можно указать на любопытный пример, когда эта традиция оказалась препятствием для появления семейного посвящения.

³⁵ Благополучие этой семьи длилось, однако, недолго: в 1784 г. А. К. Разумовский выдворил Варвару Петровну из дома, отобрав у нее всех их четверых детей и запретив ей с ними общаться, но заставив выделять для них средства. В отличие от Н. П. Шереметева, обвенчавшегося со своей крепостной П. И. Ковалевой (Жемчуговой), Разумовский не стал оформлять брак с крепостной М. М. Соболевской, от которой имел еще десять детей. См.: *Васильчиков А. А. Семейство Разумовских*. СПб., 1880. Т. 2. С. 40, 114—118; *Разумовская М. Разумовские при царском дворе: Главы из российской истории 1740—1815 гг.* 1-е изд. на русском языке, переработанное и дополненное. СПб., 2004. С. 142—143.

³⁶ См. о нем: *Пухов В. В. Осипов Н. П.* // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 2 : (К—П). С. 391—392; *Веселова А. Ю.* Концепция «истинной лжи» Н. П. Осипова // XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23. С. 83—193; *Кочеткова Н. Д.* О первом появлении «Приключений барона Мюнхгаузена» в России и переводчике этой книги // *Uomini, opera e idee tra Occidente europeo e mondo slavo. Scritti offerti a Marialuisa Ferrazzi a cura di A. Mingati, D. Cavaion, C. Criveller*. Trento, 2011. P. 413—425.

Юный Василий Лисаневич посвятил свой ученический перевод «Мысли десятилетнего сочинителя» (1776) влиятельной персоне — генерал-поручику, сенатору Е. А. Щербинину. В посвящении переводчик со всею наивностью признавался: «Перевод сей книжки <...> выбранной по моим летам и понятию от моего учителя, желание имел я приписать моим родителям яко первый плод моего во французском языке упражнения и в знак должной за попечение их о моем воспитании благодарности. Но как имел счастье удостоен быть высокомилоостивого призрения Вашего высокопревосходительства и теперь достаиваюсь оногo, то, не имея, чем изъяснить моих благодарностию и ободрением преисполненных чувствований, за непременный долг почел сей, хотя весьма малый, но от величайшего усердия приносимый, по мере сил моих, опыт посвятить Вашему высокопревосходительству яко виновнику моего благосостояния...».³⁷ Можно предположить, что сами родители Василия Лисаневича посоветовали ему «приписать» перевод знатному покровителю. Тем не менее очень скоро стали появляться и посвящения, обращенные автором к членам собственной семьи: прежде всего родителям, а также супругам, братьям, сестрам, дядюшкам, тетушкам и другим «сродственникам».

* * *

При всей значимости любых семейных связей, в них существовала несомненная иерархия. Н. Д. Чечулин писал: «Особенно высоко стоял авторитет родительской власти — не в том смысле, чтобы родителям удавалось создать в семье такие отношения, при которых дети сознательно стремились бы действовать согласно с общим духом своих родителей, но в смысле подчинения воле отца, подчинения, привычного до такой степени, что оно казалось и признавалось совершенно неизбежным».³⁸ Именно отец считался главой семейства. Известны случаи дикого деспотизма мужа по отношению к жене, не говоря уже о детях, которые находились в материальной и юридической зависимости от отца. С. Т. Аксаков вспоминал, что его дедушка Степан Михайлович Багров дочерей считал «ни за что», никогда не целовал руки у жены, «а свою давал целовать в знак милости».³⁹ Однако во мно-

³⁷ Мысли десятилетнего сочинителя, с французского переведены лейб-гвардии Преображенского полку фурыером Васильем Лисаневичем. СПб., 1776. С. 5—6 нenum.

³⁸ Чечулин Н. Д. Русская провинция во второй половине XVIII века. С. 413.

³⁹ Аксаков С. Т. Семейная хроника // Аксаков С. Т. Собр. соч. М., 1986. Т. 1. С. 35, 52.

гих семьях родительский авторитет основывался на искреннем уважении детей и их чувстве благодарности и любви, о чем свидетельствуют и некоторые книжные посвящения, появляющиеся в 1780—1790-х гг.

Одно из первых таких посвящений открывает переведенную И. В. Лопухиным⁴⁰ книгу Э. Юнга «Торжество веры над любовью...» (1780). Текст дедикации предельно краток и официален:

«Его превосходительству милостивому государю Владимиру Ивановичу Лопухину, господину генерал-поручику и кавалеру орденов Святого Александра Невского и Святыя Анны

Всепокорнейше приносит

Переводчик И. Л.»⁴¹

В этом тексте нет никакого упоминания о близких родственных связях адресата и переводчика. Между тем отец и сын были очень привязаны друг к другу, жили вместе в одном доме. В своих «Записках» И. В. Лопухин вспоминал: «Родители мои были самые чадолюбивые: и, бывши весьма добродушны и от природы отлично разумны, всеми силами старались наставлять меня в честности и благонравии...»⁴² Его мать Евдокия Ильинична (урожденная Исаева, 1717—1774) скончалась, когда он был еще ребенком. Отец, генерал-лейтенант Владимир Иванович Лопухин (1703—1797), достиг весьма преклонных лет, когда его сын оказался замешан в политическом процессе, развернутом в 1792 г. против Н. И. Новикова и его сподвижников. И. В. Лопухин писал: «Беспокоила меня только мысль о том, что происходящее со мною может поразить отца моего, который тогда имел уже около девяноста лет, и, лишенный зрения, был в крайней слабости тела; кроме головы, коей здравость сохранилась в нем почти до последнего часа его жизни; а для того и старался я все от него скрывать».⁴³ С большими предосторожностями отцу было сообщено о грозящей сыну ссылке. «Минуты объявления сего были для меня таковы, — признавался мемуарист, — что я думаю, не мучительнее были бы они для меня на эшафоте. При всей беспредельной любви ко мне и привязанности отца моего Бог помог ему точно чудесным образом терпеливо принять сей удар. <...> Легко можно представить себе, сколько

⁴⁰ См. о нем: Кочеткова Н. Д. Лопухин И. В. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 : (К—П). С. 229—235.

⁴¹ Торжество веры над любовью. Поема, сочиненная г. Юнгом. С французского г. Ле Турнером перевода на российский язык перевел И<ван> Л<опухин>. М., 1780. С. 3 нenum. Во 2-м изд. (1787) посвящение сохранено.

⁴² Записки сенатора И. В. Лопухина. Лондон, 1859. Репринтное воспроизведение. М., 1990. С. 3 нenum.

⁴³ Там же. С. 50.

оставление меня в Москве утешило отца моего, и меня — для него». ⁴⁴

Весь этот рассказ в мемуарах резко контрастирует с сухим официальным посвящением И. В. Лопухина отцу. Но в сознании литераторов XVIII столетия долго еще держалось представление о законах жанра дедикации: казалось, что важнее назвать чин и награды адресата, чем сказать о своих родственных отношениях. Но постепенно семейные посвящения все-таки завоевывали право на свое существование.

Никита Сумароков, сержант лейб-гвардии Семеновского полка, ⁴⁵ обращался к своему отцу, решившись внести в официальную формулу упоминание о родственных связях: «Его высокоблагородию милостивому государю Николаю Степановичу Сумарокову, дражайшему родителю». В самом тексте дедикации, написанной с простодушной искренностью, также идет речь об их семейных отношениях: «Примите благосклонно от сына Вашего сей малый перевод; знаю, что он Вам будет приятен, соображая Вашу ко мне любовь. Но притом осмеливаюсь просить Вас рассмотреть его не отеческими глазами и поправить во оном ошибки, дабы вперед таковых погрешностей тщательно мог избежать...». ⁴⁶

От отца в первую очередь зависела и возможность получить хорошее образование, и дальнейшая служебная карьера. Отец выступал в роли и мецената, и покровителя, и наставника. Поэтому во многих посвящениях, адресованных отцу, все-таки сохранялась еще официальность обращения и привычные формулы дедикаций, адресованных влиятельному лицу. Г. П. Ершов (1772—1839) ⁴⁷ выпустил свой перевод книги Ж.-П.-Г. Катто-Кальвиля «Просвещенная принцесса...» (1788)

⁴⁴ Там же. С. 61, 62.

⁴⁵ П. Дирин в «Истории лейб-гвардии Семеновского полка» (Т. 2. С. 162) упоминает без имени и отчества Сумарокова, который был уволен из полка в 1796 г. в чине поручика.

⁴⁶ Некоторые полезные статьи, выбранные из удивительных секретов Великого Алберта <...> / Переведено с французского языка <...> Никитою Сумароковым. СПб., 1783. С. 3, 5 нум. Спустя 8 лет Никита Сумароков напечатал другой свой перевод с французского языка: «Описание Константинополя, с присовокуплением известия о некоторых обрядах, вере и нравах тамошних жителей...» (М., 1791), с посвящением правителю Костромского наместничества Ивану Варфаломеевичу Лампу. Формулу своего первого посвящения «соображая Вашу ко мне любовь» переводчик почти дословно повторил: «...соображая Благосклонность Вашу» (с. 3 нум.). По-видимому, этот переводчик и Никита Сумароков, владелец костромской типографии, работавшей в 1793—1796 гг., — одно и то же лицо.

⁴⁷ См. о нем: *Искюль С. Н.* Ершов Г. П. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 1 : (А—И). С. 311.

с посвящением: «Его высокоблагородию господину надворному советнику Петру Ивановичу Ершову, милостивому государю батюшке». Тут же сообщалось, что книга переведена по приказанию отца. Благодаря за воспитание, послушный сын смиренно просил его: «Удостоите принятия Вашего сей первый издаваемый мною в свет опыт упражнения моего в переводах с французского языка и тем поощрите к большему рачению в моем учении...».⁴⁸ Очевидно, памятуя распространенную формулу — желание «пред целым светом» прославить покровителя, юный переводчик писал: «Позвольте, дражайший родитель, показаться в свете сему переводу с Вашим именем, дабы чрез то известна была благодарность, которою дети родителям за рождение, тем паче за воспитание обязаны. И которой сердце мое никогда чувствовать не престанет».⁴⁹

Подобные дедикации «дражайшему» или «любезному родителю», написанные юными переводчиками, часто предваряли учебные переводы, представлявшие собой «первые труды весеннего возраста», как выразился Александр Жеребцов, посвящая отцу свой перевод повести «Земледелец» (1789).

Тринадцатилетний Павел Гаврилович Гагарин (1777—1850), посвящая переведенную им книгу Дж. Литтлтона «Опыт чувствительности, или Письма одного персиянина из Лондона к другу его...» (1790) своему отцу Гавриилу Петровичу Гагарину (1745—1806),⁵⁰ еще следуя принятому шаблону, начинал так:

«Его сиятельству князю Гавриле Петровичу Гагарину,

Двора ее императорского величества действительному камергеру, Правительствующего Сената обер-прокурору, орденов святого равно-апостольного князя Владимира второй степени и святыя Анны кавалеру, милостивому государю моему

Усерднейшее приношение».⁵¹

Дальнейший текст, следовавший за этим выдержанным по всем правилам обращением, открывал родственные отношения между адресатом и переводчиком, хотя и сохранял многие привычные формулы официальной дедикации:

⁴⁸ [Катто-Кальвиль Ж.-П.-Г.]. Просвещенная принцесса, или Жизнь Ренаты, герцогини Феррарской, сочиненная г. Катто / Перевод с французского. [М.], 1788. С. 6 нenum.

⁴⁹ Там же. С. 7—8 нenum.

⁵⁰ См. о них: Кочеткова Н. Д. 1) Гагарин Г. П. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1 : (А—И). С. 187—189; 2) Гагарин П. Г. // Там же. С. 191—192.

⁵¹ [Литтлтон Дж.]. Опыт чувствительности, или Письма одного персиянина из Лондона к другу его, живущему в Испагане / Переведены с аглинского языка на французский г. Флорианом, а с оного на российский язык перевел к[нязь] П[авел] Г[агарин]. М., 1790. С. 3 нenum.

«Любезнейший родитель! Милостивый государь!

Маленькое сие сочинение, которое я перевел на российский язык, основано на сыновней любви и горячности к своему родителю. Кому же приличнее посвятить оное, как не Вам, любезнейший родитель, к которому сердце мое пылает сею благородною страстию? Удостойте, милостивый государь, благосклонного принятия сей маловажный труд мой как слабый знак чувствуемой мною беспредельной благодарности за все Ваши ко мне милости. Я знаю, что сие мое приношение весьма мало и недостойно Вас, но не отриньте его, взирая на мое усердие и на праведную причину, побуждающую меня учинить оное...»⁵²

Посвящение было явно связано с содержанием переведенной книги, в которой рассказывалось о добродетельном магометанине, который хотел не только отдать все свое состояние за выкуп отца, попавшего в плен к иезуитам, но даже «предаться добровольно в рабство» и всю жизнь служить на галерах вместо отца. Освободив его, герой умирает.

Самое заглавие переведенной Л. И. Голенищевым-Кутузовым (1769—1846) пьесы Ж.-П.-К. Флориана «Добрый отец» (1790) соотносится с посвящением переводчика отцу — «Милостивому государю батюшке Ивану Логгиновичу».⁵³ Директор Морского кадетского корпуса, адмирал И. Л. Голенищев-Кутузов был человеком весьма заслуженным и известным, но в этой дедикации не упоминаются его титулы, посты и награды, что придает посвящению бóльшую теплоту. Сохранив еще в обращении слова «милостивый государь», переводчик далее пишет: «Примите, милостивый родитель, слабое сие начертание доброго отца, приносимое вам сердцем, наслаждающимся во всем пространстве блаженством иметь отца несравненного. Простительно сочинителю, что доброго отца не в совершенстве представил. — Он вас не знал...»⁵⁴ Почтительный сын приурочил свой подарок к двадцатипятилетию бракосочетания родителей,⁵⁵ но речь шла только об отце, о матери, Евдокии Ильиничне Бибиковой (1745—1807), не было даже упомянуто.

⁵² Там же. С. 5 нenum.

⁵³ См. о них: *Лепехин М. П.* 1) Голенищев-Кутузов И. Л. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 1 : (А—И). С. 200—203; 2) Голенищев-Кутузов Л. И. // Там же. С. 203—204.

⁵⁴ [Флориан Ж.-П.-К.]. *Добрый отец*. Комедия в одном действии / Переведена с французского подлинника Логгином Г. Кутузовым. [СПб., 1790]. С. 5 нenum.

⁵⁵ См.: *Кочеткова Н. Д.* *События частной жизни в русской литературной культуре XVIII века // Оказиональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII века*. СПб., 2010. С. 260—261.

Платон Шагаров, делая «всеусерднейшее приношение» «его высокоблагородию милостивейшему государю Федору Федоровичу Шагарову, дражайшему родителю», писал: «Воспитанием и попечением Вашим доведен теперь я до такой степени, что нахожу уже себя несколько в силах показать Вам плоды успехов моих и не напрасно принимаемых Вами стараний...».⁵⁶ Авраам Лопухин (1774—1835)⁵⁷ обращался к отцу Василию Авраамовичу (1746—1821) со словами: «Сыновняя горячность побуждает меня посвятить Вам сию книжку, первый плод упражнения моего как в иностранных, так и в своем отечественном языке, в засвидетельствование пред Вами тех живейших чувствований благодарности, высокопочитания и преданности, которые долг и Природа, а паче бесчисленные Ваши ко мне милости и благодеяния воспламеняют в моем сердце...».⁵⁸ Василий Боборыкин посвящал «его высокоблагородию коллежскому советнику и кавалеру Дмитрию Лукьяновичу Боборыкину»,⁵⁹ «милостивому государю батюшке» свой «первый опыт трудов» как «первому своему благодетелю».⁶⁰

Свои литературные труды посвящали отцу не только сыновья, но и дочери.⁶¹ Надежда Никифорова⁶² в посвящении своего перевода книги Ф. Фенелона «О воспитании девиц» (1794) благодарила «вседражайшего родителя» Петра Федоровича, называя его «зиждителем» своих познаний. Она, так же как и ее братья Павел и Степан,⁶³ получила хорошее домашнее образование благодаря отцу. Никифорова писала: «Пред Вашими очами я трудилась в переводе четырех книжек, не отваживаясь из них ни единой приписать Вам яко виновнику моих упражнений; хотя не могу сказать

⁵⁶ [Палере Ж.]. Сокращенное географическое описание Турецкой империи из Географии г. Паллере / Перевел с французского Платон Шагаров. М., 1790. С. 5 нenum.

⁵⁷ См. о нем: *Травников С. Н.* Лопухин А. В. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 2 : (К—П). С. 228—229.

⁵⁸ Сусанна, или Торжество невинности над клеветою двух злобных судей израильских : Пастушеская поэма в пяти песнях. Творение г. Мертгена / Перевел с французского Авраам Лопухин. М., 1791. С. 5—6 нenum.

⁵⁹ См. о нем: *Серков А. И.* Русское масонство. 1731—2000: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 121—122.

⁶⁰ Розалий, или Счастливый человек / С французского перевел В...Б... Б...М., 1796. С. 3, 5 нenum.

⁶¹ Особую роль отца в образовании дочерей отметила И. П. Кулакова. См.: *Кулакова И.* Дочь и сестра: Дворянская семья как образовательное пространство в XVIII—начале XIX века // XVIII век: Женское/мужское в культуре эпохи. М., 2008. С. 142.

⁶² См. о ней: *Силинская Г. Г.* Никифорова Н. П. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 2 : (К—П). С. 349.

⁶³ См.: *Степанов В. П.* Никифоров П. П. // Там же. С. 348; *Разумовская М. В.* Никифоров С. П. // Там же. С. 348—349.

и ныне, чтоб я достигла уже совершенства в переводах, но как опыты и особенное тщание, употребленное на сию книгу, питают меня надежанием, что оная совершеннее тех, мною переводимых, а потому и взяла смелость посвятить ее имени Вашему...».⁶⁴

В семье Корсаковых⁶⁵ заботы об обучении детей тоже проявлял отец, живший в родовом имении Псковской губернии. Его жена почти постоянно жила в Петербурге. В начале 1790-х гг. было издано несколько переводов, осуществленных Анной (1769—1843), Никитой (1775—1857), Алексеем (1767—1811) Корсаковыми для подарка ко дню рождения отца. Они переводили моралистические сочинения своего учителя П.-К. Шлейснера, сопровождая издания посвящениями «любезнейшему родителю». Видя в нем «пример честности», Анна благодарила отца за его «искреннюю горячность», за то, что он воспитывал в детях «сердце и разум».⁶⁶

Особого внимания заслуживают посвящения в книге «Остаток человеколюбия во Франции...» (Ч. 1—2. М., 1798—1799). Посвящения в каждой части имеют подпись «М***, А*** В*ы». Первая часть «приписана» «Его высочородию, милостивому государю Николаю Ивановичу Вельяминову, статскому советнику и кавалеру». Судя по дальнейшему тексту, авторы дедикации — это дети Н. И. Вельяминова. Они писали: «Вот первый плод наших трудов! Кому ж его поднести, как не Вам. Вы первый научили нас извлекать из познаний наших пользу, Вам первым должно видеть опыт своих попечений. — Хотя сия безделка и слабо обнаруживает нашу привязанность; но в сердцах наших повсегда запечатлена к Вам любовь, которой ничто уменьшить не в состоянии...».⁶⁷ Вторая часть книги имела посвящение Екатерине Афанасьевне Протасовой. Известное имя сводной сестры В. А. Жуковского позволяет определить имена юных переводчиц: это Мария Николаевна Вельяминова (в замужестве Свечина, 1781—1821) и Авдотья Николаевна Вельяминова (в замужестве Арбенева, 1784—1831). Они обе были племянницами Жуковского: их мать — родная сестра Екатерины Афанасьевны Наталья

⁶⁴ О воспитании девиц. Сочинение г. Фенелона. <...> / Переведено с французского девицею Надеждою Никифоровою. Темниковской округи. В селе Богородском, Новое Мансырево тож. Тамбов, 1794. С. 5—6 нenum.

⁶⁵ См.: *Лепехин М. П.* Корсакова А. И. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 2 : (К—П). С. 130.

⁶⁶ [*Шлейснер П.-К.*]. Рассуждение о истинном величестве человека. Сочинение г. Шл...ра / Перевела с немецкого А[нн]а Карс[аков]а. СПб., 1792. С. 5 нenum.

⁶⁷ Остаток человеколюбия во Франции, или Анекдоты Республики / Перевод с французского М. и А. В[ельяминовых]. М., 1798. Ч. 1. С. 5 нenum.

Афанасьевна (урожденная Бунина, 1756—1785). Жуковский с детства был тесно связан с этой семьей. В 1790-е гг. в Туле в доме В. А. Юшковой поэт получал домашнее образование вместе со старшей сестрой Марией Николаевной, к которой чувствовал нежную привязанность. После ее замужества в доме Свечиных в начале 1800-х гг. часто бывал Андрей Тургенев, который в письмах к Жуковскому с большой симпатией писал о Марии Николаевне и Авдотье Николаевне.⁶⁸ Таким образом, их первый литературный труд представляет интерес и в связи с изучением раннего окружения Жуковского. Очевидно, Екатерина Афанасьевна Протасова (1770—1848) принимала деятельное участие в воспитании племянниц, почтивших ее своим посвящением, которое они, однако, не стали объединять с посвящением отцу. Тем не менее оно написано очень тепло:

«Екатерине Афанасьевне Протасовой, милому другу, сердечное приношение.

Одной мысли, что этот малый труд заслужит Ваше одобрение, Вашу снисходительную улыбку, было довольно, чтоб заставить нас перевести эту книжку. Ваша драгоценная похвала будет для нас дороже всего в свете. Какое радостью обливается тогда наше сердце, когда мы думаем, что Вы, читая эту книжку, вспомните нас, будете говорить: *оне делали это для меня, оне думали тогда обо мне*; одна улыбка, один взор милого, нежного друга заменяет нам все старания. — Вот, примите эту книжку. Мы перевели ее — рука наша писала, но искреннее сердце подносит ее Вам.

М****, А**** В****Ы». ⁶⁹

Если труд «приписывался» обоим родителям, то дедикация была общей. Таким примером могут служить посвящения Е. П. Демидовой (род. 1767),⁷⁰ внучатой племянницы известного мецената П. А. Демидова, основавшего Московский воспитательный дом и Коммерческое училище в Петербурге. Она была одной из дочерей тайного советника Петра Григорьевича Демидова (1743—1826) и его жены Екатерины Алексеевны (урожд. Жеребцовой, 1762—1810).⁷¹ В возрасте четырнадцати лет Елизавета Пе-

⁶⁸ См.: Письма Андрея Тургенева к Жуковскому / Публ. В. Э. Вацура, М. Н. Виролайнен // Жуковский и русская культура : Сб. науч. трудов. Л., 1987. С. 350—431.

⁶⁹ Остаток человеколюбия во Франции, или Анекдоты Республики. Ч. 2 / Перевела с французского Д[евица] М[ария] В[ельяминова]. М., 1799. С. 5 нунум.

⁷⁰ См.: Данилевский Р. Ю. Е. П. Демидова // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1 : (А—И). С. 248—249.

⁷¹ О П. Г. Демидове как любителе старины писал Ф. Ф. Вигель, бывавший в его «полуаристократическом» доме на Большой Мещанской улице в Петербурге. Мемуарист, вероятно, задетый равнодушием хозяина дома, заметил о нем: «Одни седины и морщины давали право на его приветливость; на молодых

тровна преподнесла родителям к Новому 1782 году свой первый литературный труд, изданный очевидно ими же, — «Духовные оды и песни господина Х. Ф. Геллерта, переведенные в прозе некоторою благородною девицею» (1782). В открывающем книгу посвящении «Дражайшим родителям» переводчица писала: «...почитаю за важнейший долг принести Вам, любезнейшие родители, сей малый труд моих переводов яко новый и первый плод подаемого от Вас мне воспитания, в знак чувствительнейшей моей благодарности за все являемые ко мне родительские милости и попечения...».⁷² Следуя стандартной формуле дедикаций, Демидова выражала надежду на «милостивое принятие» ее труда и завершала посвящение подписью: «Ваша всепокорнейшая и усердная дочь Е. Д.» с датой: «Генваря 1-го дня 1782-го года». Через пять лет появилась ее следующая книга — «Время, непраздно препровожденное...» (1787), представлявшая собой собрание переводов разных нравоучительных историй. Обращаясь к тем же адресатам, Елизавета Петровна в этот раз называла по имени, отчеству и фамилии «дражайших родителей»: «Государю батюшке Петру Григорьевичу, Государыне матушке Екатерине Алексеевне Демидовым». Переводчица вновь благодарила за «неусыпное попечение» родителей о ее воспитании и просвещении. При этом она по-своему переиначивала расхожую формулу дедикаций, в которых упоминалось, что автор или переводчик трудился «в свободное от службы время»: «Милостивое вами принятие сего моего приношения усугубит мое тщание о употреблении свободного мне от других полезных и приличных состоянию моему упражнений время на чтение книг, наполненных нравоучением...».⁷³

Предельно краткое посвящение поместил анонимный переводчик в книге Ж. Руа «Друг старых» (1787): «Переводчик посвящает *Друга старых* своим родителям». Выбор адресатов, как и в некоторых других случаях, явно соотносился с содержанием переведенного сочинения, в котором говорилось о нравственном превосходстве зрелого возраста и о необходимости «почтения к старости». Достаточно краткой была и ученическая дедикация

людей, даже на молодых женщин, он не обращал ни малейшего внимания. Ими с большею любезностью занималась супруга его Екатерина Алексеевна, урожденная Жеребцова». (*Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 2003. Кн. 1. С. 140—141). Можно предположить, что дочери она уделяла больше внимания, чем отец.

⁷² Духовные оды и песни господина К. Ф. Геллерта, переведенные в прозе некоторою благородною девицею. СПб., 1782. С. 3 нenum.

⁷³ Время, непраздно препровожденное в чтении, или Собрание полезных повествований разных писателей девицы Елисаветы Демидовой. СПб., 1787. В титульном издании этой книги тот же текст посвящения.

Александры Козловой в переведенной ею пастушеской повести Ж.-П.-К. Флориана «Естелла» (1789): «Дражайшим родителям приносит и посвящает сии начатки своих трудов, при руководстве учителя совершенных, послушнейшая дочь Александра Козлова».

Более интересно и по форме и по содержанию развернутое посвящение Екатерины и Анны Волконских в переведенной ими книге «Рассуждения о разных предметах природы, художеств и наук» (1792). Переводчицам трудно было найти соответствующую форму для учтвого обращения к обоим родителям, князю Михаилу Петровичу и княгине Елизавете Петровне (урожд. Макуловой, ум. 1796), и, вероятно, исходя из представления о главенстве отца, они писали: «Милостивые государи! Дражайшие родители!», неоднократно повторяя это странное обращение в тексте дедикации. «Принося первые плоды учения нашего Вашему сиятельству, — продолжали они, — мы исполняем одним деянием два долга; первый, что мы сим свидетельство сердец наших обнаруживаем, в которых храним благодарнейшую признательность, усердие, искренность и благоговение за беспокойство в воспитании нашем, за попечение о просвещении сердца и разума нашего, за те милости, кои не по обряду или обычаю, но по побуждению сердечной вашей любви к нам, и теперь жизнь нашу делают спокойною и впредь готовят благополучную. Второй, что мы переводом сей книжки отдаем отчет о времени, нами употребленном, и, заимствуя все, милостивые государи, от вас, к вам же относим труды наши...».⁷⁴ Этот довольно нестандартный текст посвящения, так же как и удачный перевод, вызвавший похвальный отзыв Н. Я. Озерецковского, свидетельствовал об известной самостоятельности юных переводчиц — Екатерины Михайловны (1775—1834) и Анны Михайловны (1776(?)—1827) Волконских.⁷⁵ Подпись Екатерины как старшей стоит первой под текстом посвящения.

Переводчики сборника «Нравственные картины» (1800), которые назвали себя «Марья и Григорий Иваненки», в кратком посвящении писали: «Любезнейшим нашим родителям всеусерднейшее сыновнее приношение».⁷⁶ Если Волконские обращались к родителям «милостивые государи», то брат и сестра говорили о своем совместном труде как о «сыновнем приношении». Все это было еще одним характерным штрихом, подчеркивавшим главенство роли отца или брата.

⁷⁴ Рассуждения о разных предметах природы, художеств и наук. СПб., 1792. Ч. 1. С. 5 нenum.

⁷⁵ См.: *Разумовская М. В.* Волконская А. М. // *Словарь русских писателей XVIII века.* Вып. 1 : (А—И). С. 173.

⁷⁶ *Нравственные картины / Перевели с французского Марья и Григорий Иваненки.* М., 1800. С. 3 нenum.

Тем не менее одновременно стали появляться и дедикации, обращенные к матери. Свой явно ученический перевод пьесы «Опыт детской любви» (1786) Василий Попов (1771—1842)⁷⁷ посвятил «с глубочайшим высокопочитанием» «дражайшей родительнице». Еще более официально обращался к матери двенадцатилетний Сергей Тишевский: «Ея превосходительству милостивой государыне Анне Степановне Тишевской в знак чувствительной благодарности за воспитание и сыновнего усердия посвящаю».⁷⁸ Значительно интереснее развернутое посвящение Павла Бабушкина⁷⁹ его матери Елисавете Дмитриевне Бабушкиной:

«Дражайшая родительница!

Кому приличнее могу посвятить первые начатки моих трудов, как не Вам, любезная мать! Вам обязан я жизнью, Вам должен тем благородным воспитанием, просвещением и исправлением души и сердца, кои, усовершенствовавшись и осуществовавшись примером Вашея жизни, предобещают мне многое. Примите же, дражайшая родительница, в знак чувствования вечной моей благодарности сии первые плоды Ваших попечений и моих успехов. Ласковый взор, коим Вы удостоите сию книжку, и нежная матерняя любовь составляет для меня неоцененную награду и, поощряя к бóльшим успехам, осчастливят Вашего сына, преданнейшего слугу Павла Бабушкина».⁸⁰

Хотя переводчик использует обычные формулы дедикации («кому приличнее», «первые плоды», надежда на поощрение к «бóльшим успехам», «преданнейший слуга»), ему удается придать тексту более личный характер и выразить свою искреннюю привязанность к матери: вместо обычного официального выражения надежды на «благосклонное принятие» труда, он ждет ее «ласкового взора» и «нежной любви».

Еще более заслуживает внимания посвящение в книге Ф.-Т.-М. Бакюляра д'Арно «Фания, англинская повесть. Перевод с французского» (1794). Переводчица не назвала ни своего имени, ни имени своей матери, которой она пишет:

⁷⁷ См. о нем: *Данилевский Р. Ю.* Попов В. М. // *Словарь русских писателей XVIII века.* Вып. 2 : (К—П). С. 466—467.

⁷⁸ [*Жанлис С.-Ф.*]. Голубок. Комедия, сочинение госпожи де Жанлис перевел с французского лейб-гвардии Преображенского полку сержант 12 лет от рождения Сергей Тишевский. СПб., 1789. С. 3 нenum.

⁷⁹ См. о нем: *Кафанова О. Б.* Бабушкин П. // *Словарь русских писателей XVIII века.* Вып. 1 : (А—И). С. 45.

⁸⁰ [*Мармонтель Ж.-Ф.*]. Сельская добродетель, нравоучительная сказка из сочинений господина Мармонтеля / Перевел вольно с французского языка лейб-гвардии Преображенского полку сержант Павел Бабушкин. [М.], 1788. С. 5—6 нenum.

«Милостивая государыня, дражайшая и любезнейшая родительница!

Неограниченная Ваша ко мне нежность дает право осмелиться поднести Вам сию маленькую книжку собственного моего перевода, обнадежена будучи, что Вы удостоите ее своим чтением. О! сколь бы наградились слабые труды мои, если б она могла доставить несколько приятных минут, заслужив внимание и одобрение такой особы, которая всего в свете для меня драгоценнее. Я, ведая преисполненное чувствительности и добродетели сердце Ваше, нарочно избрала сию повесть для моего упражнения <...> Вы, моя возлюбленная, употребляя всевозможные старания для доставления мне полезных и приятных познаний, наиболее всего тщились вселить в меня ту добродетель, которая обитает в душе Вашей <...>. Ах, дражайшая родительница! Мне ничем невозможно заплатить за неусыпные Ваши о мне попечения и доказать, сколь далеко простирается моя к Вам благодарность и приверженность, как повиноваться всему тому, что угодно будет воле Вашей и в самоважнейших обстоятельствах жизни моей вручить себя мудрому Вашему руководительству и честь иметь с наи глубочайшим почтением и дочерней горячностью пребыть до конца дней моих Вам,

Милостивой государыне, дражайшей родительнице!
Покорная и преданная дочь, переводчица сей книги».⁸¹

Примечательно упоминание о том, что переводчица «нарочно избрала сию повесть», то есть проявила достаточную самостоятельность, а не действовала по чьему-то указанию. Она сохранила в тайне от непосвященного читателя свое имя и имя своей матери, отказываясь от обыкновения заявлять «пред целым светом» о том, кто и кому благодарен. С тем большей убедительностью и теплотой должны были звучать ее трогательные признания матери. Но, кроме того, решение анонимно выступить в печати могло быть связано и с «топосом скромности», имевшим особое значение для женщин, только начинавших публиковать свои переводы и сочинения.⁸²

В этой связи можно оценить смелость княгини В. В. Голицыной (урожд. Энгельгардт, 1752—1815),⁸³ которая отважилась напечатать свой перевод книги Б. Эмбера «Заблуждения от любви, или Письма от Фанелии и Мильфорта» (1790. Ч. 1—2) с посвящением не родителям, но мужу — Сергею Федоровичу Голицыну (1748—1810). Племянница Г. А. Потемкина, Варвара

⁸¹ *Бакюляр д'Арно Ф.-Т.-М.* Фания, английская повесть / Перевод с французского. М., 1794. С. 3—6 нenum.

⁸² См.: *Рослин В.* Женщины-переводчицы в России XVIII в. // Художественный перевод и сравнительное изучение культур : (Памяти Ю. Д. Левина). СПб., 2010. С. 14—15.

⁸³ См. о ней: *Исколь С. Н.* Голицына В. В. // *Словарь русских писателей XVIII века.* Вып. 1 : (А—И). С. 215—216.

Васильевна была хороша собой, образована, в юности вела полушутливую, походившую на любовную игру переписку со своим дядей.⁸⁴ С 1777 г. она стала фрейлиной, а в 1779 г. вышла замуж за С. Ф. Голицына. В их имении Зубриловка близ Тамбова бывал Г. Р. Державин. В одном из лучших его стихотворений «Осень во время осады Очакова» (1788) создан пленительный портрет княгини Голицыной, в волнении ожидавшей известий о муже, участвовавшем в военных действиях:

Она, задумчива, печальна,
В простой одежде и, власы
Рассыпав по челу нестройно,
Сидит за столиком в софе,
И светло-голубые взоры
Ее всечасно слезы льют.
Она к тебе вседневно пишет,
Твердит то славу, то любовь...⁸⁵

В «Объяснениях» к своим стихотворениям Державин вспоминал о Голицыной: «Она жила тогда уединенно в селе своем Зубриловке <...> и дожидалась нетерпеливо известия о муже и дяде из-под Очакова».⁸⁶ В написанных ранее «Примечаниях» поэт писал о том, что она «весьма страстно любила своего мужа».⁸⁷ Ф. Ф. Вигель, позднее живший в имении Голицыных, отмечал противоречивость и даже необузданность ее характера. Вместе с тем мемуарист рассказал интересный эпизод. Увольнение Голицына со службы из-за внезапной немилости Павла I вызвал у княгини необыкновенный приступ гнева: «Забывая, что свидетелями она имеет детей и слуг, она проклинала царя, всех, народ и войско, которые ему повинуются. И успокоилась только от изнеможения сил».⁸⁸ Ко времени публикации ее перевода Голицына была уже не молода, и ее посвятительное письмо разительно отличается от юношеских робких дедикаций начинающих переводчиков, благодаривших родителей за воспитание. Правда, своего адресата переводчица называет еще достаточно официально, хотя и не перечисляет должностей и наград: «Его сиятельству князь Сергию Федоровичу Голицыну». Самый же текст посвящения представляет собой замечательный в своем

⁸⁴ См.: Русская старина. 1875. № 3. С. 512—521.

⁸⁵ Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1864. Т. 1. С. 229.

⁸⁶ Там же. СПб., 1866. Т. 3. С. 621.

⁸⁷ Примечания на сочинения Державина / Публ. Е. Н. Кононко // Вопросы русской литературы. Львов, 1974. Вып. 1 (23). С. 83.

⁸⁸ Вигель Ф. Ф. Записки. Кн. 1. С. 113.

роде образец эпистолярного стиля: оно написано просто, с подкупающей искренностью и любовью:

«Любезный друг!

Увидя друга своего издателем сей книги, не удивляйся тому; ибо выпустить в свет сей слабый мой перевод дерзнула я не с намерением тщеславия или желания угодить тому же самому свету; но побудительною сего причиною было то, что я уверена, сколь для тебя лестно бывает, когда я занимаюсь чем-нибудь полезным и к просвещению ведущим. Не упрекай меня за содержание перевода, которое само по себе дурно: я рассуждаю, что мы не от одних хороших примеров получаем пользу; но равно, кажется, ежели не большую, то, верно, не меньшую и от худых. Несчастье более просвещает и научает человека, нежели его непрерывное и постоянное благополучие; пример гнусного порока столько же нас отвращает от зла, как и пример редкой добродетели; и я надеюсь, что слезный конец жизни описываемого в сей книге Мильфорта возбудит всякого, по путям его заблуждений ходящего, и к рассудку приведет. Итак, прияв сей труд для одного тебя, мой друг, твоей ко мне горячности его и посвящаю. Прими его, дражайший супруг, как новый знак любви, которую я к тебе ощущаю, и скажи в себе: хотя издание сие и недостаточно, но посвящение оно для меня совершенно и всего драгоценнее. Такая мзда будет мною более всего уважена. И иной награды я не желаю. С сим заключая навсегда образ твой в сердце моем, умоляю Всевышнего да содержит он тебя под покровом своим и да сохранит тебя невредимо для благополучия и счастливых дней искреннего твоего друга,

Варвары княгини Голицыной».⁸⁹

В этом тексте почти нет традиционных посвячительных формул. Упоминаемая «дерзость» отнесена не к посвящению как таковому, а к самому факту выступления в печати. Признавая слабость своего перевода, Голицына независимо рассуждает о содержании книги, «которое само по себе дурно», но может служить лучшим нравственным примером, чем непосредственное нравоучение. Предвидя возможное недовольство мужа, Варвара Васильевна заранее обезоруживает его признаниями в своих чувствах к нему. Ф. Ф. Вигель, не щедрый на доброжелательные характеристики, признавал, что С. Ф. Голицын «был добр, умен и храбр», а «страсть к женщинам превратилась у него в постоянную любовь к одной». Однако, по словам мемуариста, «кажется, кроме военной истории стратегических книг, он другого чтения не любил; о литературе и помину не было».⁹⁰ Его жена проявила немалую независимость и смелость, переведя французский ро-

⁸⁹ [Эмбер Б.]. Заблуждения от любви, или Письма от Фанелии и Мильфорта / Перевод с французского. Тамбов, 1790. Ч. 1. С. 5—6 нenum.

⁹⁰ Вигель Ф. Ф. Записки. Кн. 1. С. 115—116.

ман и предварив свой печатный литературный труд столь еще необычным для той поры посвящением.

Дедикации мужа жене тоже были редким явлением. Так, Николай Дудин посвятил свой перевод книги «Темира, или Невинность в Цитере» (1797) «Дражайшему другу моему Анне Петровне ее благородию Дудиной», по всей очевидности, своей молодой супруге. Любящий муж писал: «Любезнейшая! Ты желала, чтобы перевел я на русский язык Темиру. Исполняя твое желание, весьма буду доволен, если перевод мой прочитаешь с таким же удовольствием, какое при чтении на французском языке подлинника ты имела».⁹¹ В книге прославлялись «сладоности постоянства», «любовь вместе с невинностью» и завершалось все обращением «к молодым любовникам».

Краткое посвящение непосредственно на титуле книги сопровождало перевод комедии «Рещик» (1799), осуществленный Павлом Приклонским:

«Жене моей

Вот плоды тех праздных часов, в которые я бываю не с тобой, милый друг моего сердца, — и их тебе же посвящаю».⁹²

Посвящение было подписано лишь инициалами «П. П.».

Как бы ни были единичны подобные дедикации, они открывали новые возможности жанра. Этими возможностями сразу стали пользоваться и женщины-переводчицы. Так же как В. В. Голицына, ее тамбовская приятельница Елизавета Корнильевна Нилова (урожд. Бороздина)⁹³ опубликовала один из своих переводов — роман Ф.-Л. Жерара «Граф Вальмонт...» (Т. 1—7. 1793—1796) с посвящением «Детям моим Петру Андреевичу и Корнилию Андреевичу Ниловым». Обычно, со времен Владимира Мономаха, к детям обращался отец, причем не с посвящением, а с поучением.⁹⁴ Довольно пространный текст дедикации Ниловой тоже содержит наставления, но в соответствии с особенностями жанра переводчица при этом ссылалась на содержание переведенной ею книги, которая должна была служить иллюстрацией к преподносимым правилам поведения:

⁹¹ Темира, или Невинность в Цитере. М., 1797. С. 5 нenum.

⁹² Рещик. Комедия в одном действии / Перевод с французского. М., 1799.

⁹³ См. о ней: *Муравьева О. С.* Нилова Е. К. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 2 : (К—П). С. 357—358.

⁹⁴ См., например, «Завещание отеческое к сыну, со нравоучением...» И. Т. Посошкова (1720), «Завещание родительское господину барону Александру Сергеевичу Строганову чрез питомца Кирияка Кондратовича объявленное» (1756), «Наставление малолетнему сыну моему, вступающему в службу» М. Д. Чулкова (1788).

«...Подвизательные истины, содержащиеся в письмах сих, горячая любовь благоразумного отца к сыну и сыновья нежность и почтительное внимание отеческим наставлениям побудили меня приписать перевод книги сей вам, любезные дети, для поощрения вас к внимательнейшему чтению и созерцанию непоколебимого основания истинного счастья на земли и в вечности. <...> Вы будете читать книги, в которые со многими полезными писаниями вмешаны хитрым и нечувствительным образом яд законоборный и своевольное умствование мудрецов, опровергнувших умы и добрые нравы своих соотчичей. Колико страшусь я, дабы не поколебались юные и неопытные сердца ваши сим стремлением... Благоволи, Боже, да послужит сие к предохранению ваших добрых нравов, да вспомоществует вам пребыть непоколебимо деятельными почитателями законов священных и гражданских и полезными сынами Отечества. Сего искренно желает вам истинный ваш друг и мать Е. Н.»⁹⁵

Это редкий случай в истории русских семейных посвящений XVIII в., когда не младший член семьи обращался к старшему с дедикацией, а наоборот. Нилова смело преступила традицию, ориентируясь, возможно, на посвящения наставников и учителей своим ученикам. Самая ее подпись «друг и мать» отразила появление нового характера отношений между родителями и детьми: иерархическая граница между ними исчезала, и мать становилась старшим другом детей. Об образе жизни и душевных качествах Елизаветы Корнильевны красноречиво свидетельствует и посвящение, адресованное ей ее «питомицей» М. Г. Орловой.⁹⁶ Называя Нилову своей матерью и благотворительницей, Орлова писала: «С младенчества моего, с того самого времени, как отец мой и мать оставили свет сей и все в сиротстве семейство наше, Господь же и Вы нас восприяли, видела я Вас беспрестанно на сем поприще пользы и чести. Привыкла Вас находить по окончании домашних дел за книгою, чтением оной или переводом занимающуюся».⁹⁷ Орлова упоминала, что стала заниматься переводом, стремясь подражать своей благодетельнице, а в работе ей помогал сын Ниловой Петр Андреевич. Так, семейные связи расширялись и родственные отношения возникали даже между людьми, не имевшими кровного родства, что находило отражение и в посвящениях.⁹⁸

⁹⁵ [Жерар Ф.-Л.]. Граф Вальмонт, или Заблуждения рассудка. Письма, собранные и обнародованные господином М... <...> / Перевод с французского. Тамбов, 1793. Ч. 1. С. 5—6 нenum.

⁹⁶ О ней см.: Кочеткова Н. Д. Орлова М. Г. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 : (К—П). С. 390—391.

⁹⁷ [Ганнинг С.]. Аббатство, или Замок Барфордской / Аглинское сочинение, переведено с французского. Тамбов, 1788. Ч. 1. С. 8 нenum.

⁹⁸ Е. К. Ниловой было также посвящено стихотворение «Бог» за подписью «И. К-ко» (И. А. Кованько), опубликованное в журнале «Новости русской литературы» (1802. Ч. 1. С. 9—16).

Если семья рано оставалась без отца, его главенствующая роль покровителя переходила или к старшему брату, или к дяде, или к какому-либо влиятельному родственнику или опекуну. Это тоже прослеживается по литературным дедикациям. Посвящая брату Ивану Васильевичу свой перевод поэмы К. М. Виланда «Искушение Авраамова» (1780), Гаврила Медведев⁹⁹ писал:

«Милостивый государь! Любезнейший брат!

Удалися от меня лезть, раболепствующая величеству и богатству; душа моя, исполненная горячности, дружбы и братския любви желает ныне излить сии сладчайшии чувствования пред отцем, пред братом, пред благодетелем своим. Священный долг благодарности сделать сие повелевает! Тебе, о брат любезный, посвящаю первый плод моего учения: ибо кому оное приличнее поднести, как не тому, кто в юности моей, в сиротстве моем, заступя место родителя, неусыпными попечениями насадил оное в моем сердце и о произращении неутомимое прилагает старание <...> да познает <...> свет, что истинная братская любовь еще на земле существует...»¹⁰⁰

Другой переводчик, пожелавший остаться анонимным, тоже «приписал» свой труд брату, не называя и его имени. Текст посвящения более лаконичен и менее патетичен:

«Любезный брат!

Вот перевод, которого ты желал. Труд мой довольно награжден будет, если ты, любезный друг, почтешь оный знаком дружеского старания делать угодное тебе. Я пребуду во всю мою жизнь со всеми чувствованиями истинного дружества, покорный тебе брат и верный друг, переводчик. 27 марта 1780 года, Москва».¹⁰¹

Можно полагать, что с этими словами именно младший брат обращался к старшему, очевидно руководившему выбором нравоучительного сочинения для перевода. Примечательно, что должность и чин адресата делаются уже необязательным элементом в семейных посвящениях: если Медведев еще по традиции называл своего брата «милостивым государем», то анонимный переводчик просто пишет: «любезный брат».

Правда, даже Н. М. Карамзин, посвящая старшему брату в 1786 г. один из своих ранних переводов, счел необходимым

⁹⁹ См. о нем: *Данилевский Р. Ю.* Медведев Г. В. // *Словарь русских писателей XVIII века.* Вып. 2 : (К—П). С. 278—279.

¹⁰⁰ [Виланд К. М.]. *Искушение Авраамова* : Поэма в трех песнях / Переведена с немецкого на французский, а с оного на российский язык. СПб., 1780. С. 5—6 нenum. 2-е изд.: СПб., 1787 (с тем же посвящением).

¹⁰¹ *Нравоучительное рассуждение о супружеских должностях*, переведено с французского. М., 1780. С. 3 нenum.

почтительно величать его по всей форме: «Его высокоблагородию милостивому государю Василию Михайловичу Карамзину». Однако самый текст посвящения совершенно не официален и проникнут искренней теплотой и сердечностью: «Родство и дружба соединяют сердца наши союзом неразрывным. Всегда почитаю я то время счастливейшим временем жизни моей, когда имею случай излить пред Вами ощущения сердца моего; когда имею случай сказать Вам, что я Вас люблю и почитаю. Да внушит же Вам приношение сие оную истину и да послужит новым для Вас уверением, что я во всю жизнь свою буду Вашим покорнейшим братом и слугою. Николай Карамзин».¹⁰² Вскоре после своего рождения в 1769 г. писатель потерял мать, а после смерти отца в 1782 г. Василий Михайлович (ум. 1827), который был значительно старше Николая, стал опекуном над малолетними братьями и сестрой. Текст посвящения непосредственно соотносится с письмами Карамзина Василию Михайловичу. В. Э. Вацуро, опубликовавший и тщательно прокомментировавший их, заметил, что «это, конечно, качественно иной текст, хотя в самом деле стилизованный под письмо и содержащий формулы, которые мы находим и в подлинной переписке».¹⁰³ Рассматривая посвящение Карамзина в контексте других семейных дедикаций, можно заметить, что «язык чувства» постепенно проникал и в этот жанр, отражавший общие тенденции литературного движения.

Обстоятельства личной жизни, о которых так редко и скудно писали в официальных дедикациях, становятся полноправной темой в семейных посвящениях. Издавая свое раннее сочинение «Селим и Роксана...» (1798), С. Н. Глинка¹⁰⁴ посвятил его «Брату моему В... Н... Г...». Адресатом был старший брат автора Василий Николаевич, который в отличие от младших братьев, получивших образование в Петербурге в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, оставался с родителями дома в Смоленской губернии и лишь «наездом» учился в Шклове в корпусе, учрежденном С. В. Зоричем.¹⁰⁵ Текст посвящения С. Н. Глинки, как и у Карамзина, по своей тональности приближается к лирическому этюду:

«С каким удовольствием принимаюсь я за перо, чтобы изъяснить сердечные мои к тебе чувства!.. Ты уклонился от бле-

¹⁰² [Галлер А.]. О происхождении зла : Поэма великого Галлера / Перевод с немецкого. М., 1786. С. 3 нenum.

¹⁰³ Письма Н. М. Карамзина к В. М. Карамзину (1795—1798) / Публ. В. Э. Вацуро // Русская литература. 1993. № 2. С. 85.

¹⁰⁴ О нем см.: Киселева Л. Н. Глинка С. Н. // Русские писатели. 1800—1917 : Биографический словарь. М., 1989. Т. 1 : (А—Г). С. 576—578.

¹⁰⁵ См.: Глинка С. Н. Записки. М., 2004. С. 165.

стящей стези почестей, на которой, может быть, ожидало тебя счастье со всеми лестными дарами: уклонился для того, чтоб вспомоществовать матери и братьям своим. <...> Пусть злословие усиливается изливаться на тебя свой яд, ты презирай его — не ослабевая в подвиге своем! Собственное твое сердце и один взор нежной и чадолюбивой матери могут тебя наградить за все твои труды и за порицание холодных душ...».¹⁰⁶

Более официальный характер имели дедикации дяде, старшему и влиятельному родственнику, опекуну. Дмитрий Сергеевич Ланской (1767—1833) с немалой долей подобострастия обращался к двоюродному брату — известному фавориту Екатерины II А. Д. Ланскому (1758—1784), называя все его титулы и награды и уверяя в своей «совершеннейшей преданности и глубочайшем высокопочитании».¹⁰⁷ С. И. Голицын (1767—1831), лишившийся отца в год своего рождения и воспитывавшийся в доме дяди генерал-поручика П. А. Голицына (1731—1810), посвящал свой перевод книги Г. Филдинга «Бог мститель за невинно убиенных» (1782) «Его сиятельству двора ее императорского величества оберъегермейстеру, сенатору, действительному камергеру, лейб-гвардии Измайловского полку секунд-майору и кавалеру, князь Петру Алексеевичу Голицыну». Благодаря дядю за «оказанные милости», переводчик даже не упомянул об их родственных отношениях и подписал свою дедикацию: «всепокорнейший слуга К[нязь] С. Голицын».¹⁰⁸ Е. П. Рунич,¹⁰⁹ отец которого погиб в 1770 г. при взятии Бендер, посвящал свой первый переводческий труд дяде — «Его высочородию господину бригадиру Павлу Степановичу Руничу, милостивому государю». Завершая дедикацию, в которой благодарил дядю за его «прямо отеческие попечения», переводчик обращался к нему достаточно официально, соблюдая необходимую дистанцию: «Позвольте входящему в чувство юноше лобызать человеколюбивую руку своего дражайшего благотворителя

¹⁰⁶ Глинка С. Н. Селим и Роксана, или Превратность жизни человеческой : Восточная повесть. М., 1798. С. 3, 5 нenum.

¹⁰⁷ Вольтер. Надгробное похвальное слово Людовику XV, королю французскому <...> с французского переведенное на российский язык Дмитрием Ланским. СПб., 1782. С. 3—5 нenum.

¹⁰⁸ В связи с награждением П. А. Голицына орденом Андрея Первозванного брат Сергея Голицына Алексей написал дяде поздравительные стихи. Подробнее см.: Кочеткова Н. Д. События частной жизни в русской литературной культуре XVIII века // Окациональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII века. С. 248.

¹⁰⁹ См. о нем: Топорков А. Л. Рунич Е. П. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 : (К—П). С. 75—76.

и удостоьте его и впредь Ваших милостей и благоволения».¹¹⁰ Рунич, как и С. Голицын, тоже не упомянул о родственных отношениях и подписался: «покорнейший и обязаннейший Вам слуга Ефим Рунич».

При совпадении фамилии автора дедикации и ее адресата нетрудно констатировать, что они находятся в родстве, хотя степень этого родства можно только предполагать: скорее всего, это племянник и покровительствующий ему дядя. Так, Александр Черемисинов благодарил за «отеческие милости» и «великое попечение» Герасима Ивановича Черемисинова.¹¹¹ Аврам Романус уверял своего благодетеля генерал-поручика Аврама Ивановича Романуса: «Великие попечения Ваши о моем воспитании не могут никак из моего ума исчезнуть. Премудрые советы, коими Ваше высокопревосходительство меня и поныне наставляете, суть неоспоримые знаки Ваших отеческих ко мне благоволений; я цену оных совершенно понимаю, никогда не перестану их возвеличивать и все соберу свои силы, дабы оных соделаться достойным».¹¹² Оставшийся сиротой, Алексей Свищов¹¹³ выражал надежду на «благосклонность» своего благодетеля — директора казенных заводов надворного советника Михаила Александровича Свищова. Упомянув об их «ближайшем родстве», переводчик завершал свое посвящение традиционным штампом, прося «милостиво принять» его труд и называя себя «покорнейшим слугою».¹¹⁴

Эти посвящения однотипны, но все-таки сохраняют какие-то отдельные индивидуальные черты. Между тем нашелся один автор, который не затруднил себя сочинением дедикации и полностью заимствовал текст упоминавшегося посвящения А. Черемисинова, соответственно поставив в заглавии имя своего

¹¹⁰ [Кредок Дж.]. Письма некоторой духовной особы и его дочери к его сыну, находящемуся в Лондоне / Переведены с французского... М., 1784. С. 6 нenum.

¹¹¹ Посвящение в кн.: [Белен де Монтерзи]. Сокращенное описание жизни и дел Скандербеге, короля Албанского и князя Эпирского... / Переведено с французского Александром Черемисиновым. СПб., 1782. С. 5 нenum.

¹¹² [Шоффен Д.]. Краткое описание славных женщин Ветхого Завета, переведенное с французского на российский язык Аврамом Романусом. СПб., 1782. С. 6 нenum.

¹¹³ См. о нем: Кукушкина Е. Д. Свищов А. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3 : (Р—Я). С. 103—104.

¹¹⁴ [Маларм Ш. де]. Дружеству все возможно, или История милорда Лове-Роза и Софии Мостени <...> переведенная Алексеем Свищовым. М., 1788. Ч. 1. С. 7—8 нenum. О «благосклонном принятии» этого труда Свищов упоминал в посвящении тому же адресату другого своего труда — перевода книги М. де Кюбьера «Рензий, или Великодушный сын» (М., 1788).

собственного родственника и введя в этот текст минимальные изменения. Речь идет об Александре Рылееве, переводчике книги Н. Дюпюи Ла Шапелья «Наставление отца дочери своей» (1786), вышедшей через четыре года после книги, переведенной Черемисиновым. Приведем его посвящение, подвергнутое бесцеремонному плагиату, выделив замененные или вставленные слова курсивом, а пропущенные поставив в скобки.

Его высокородию милостивому государю
[Герасиму Ивановичу Черемисинову]
моему Никите Ивановичу Рылееву

[Ваше высокородие,]
Милостивый государь!

Желая засвидетельствовать достодолжную вам благодарность за оказанные ваши ко мне отеческие милости и за ваше великое (*великое ваше*) обо мне попечение, не нахожу лучшего к оному средства, как только то, чтоб посвятить вашему имени новые сии *плоды* упражнения моего в науках [плоды], которые хотя сами собою и весьма малы, но великого моего к вам усердия будут истинным залогом.

Счастливым себя почту, если вы соизволите удостоить *оный* милостивым вашим принятием [оный], чем возбудите во мне смелость и охоту к *дальнейшему* предприятию [другого].

Я несомненно надеюсь, что вы не преминете меня милостиво извинить в погрешностях и неисправностях перевода, *как скоро узнаете* [если вспомните], что сей самый первейший моих трудов опыт; [и, препоручая] *поднося* вам оный, препоручаю и себя в [дальнейшее] ваше покровительство, пребывая с глубочайшим почитанием, почту себе за честь называться навсегда

[Вашего высокородия]
милостивого государя всенижайшим слугою
[Александр Черемисинов] *Александр Рылеев*.¹¹⁵

Предприимчивый переводчик «выправил» некоторые стилистические шероховатости Черемисинова, дословно воспроизводя в своем посвящении чужой текст. Этот пример, хотя и единственный, свидетельствует, как безлики могли быть посвящения даже близким людям.

¹¹⁵ [Дюпюи Ла Шапель Н.]. Наставление отца дочери своей. Сочиненная г. Депуй, а с французского на российский переведена А. Р. СПб., 1786. С. 3—7 нenum.

Но при всем следовании заданной форме жанра в эти дедикации проникали какие-то черты, характеризующие отношения автора с адресатом, иногда упоминания о родстве. Алексей Сергеев, «малолетний отрок», обращаясь к Алексею Ивановичу Лутовинову, упомянул о том, что он «имеет счастье» быть его «сродственником».¹¹⁶ Василий Овцын благодарил князя Платона Степановича Мещерского, генерал-губернатора Казанского и Вятского наместничеств, за его попечения о своем воспитании «с самого младенчества».¹¹⁷ Яков Вестман в дедикации Петру Федоровичу Герингу писал: «...Вам препоручен я от моего родителя; Вашим старанием определен в Корпус, в котором молодые сердца и разумы образуются. Могу ли не признавать в Вас великодушного моего благодетеля? Могу ли не чтить Вас истинным отцом, не изъявлять Вам чувствительнейшей благодарности?»¹¹⁸ Е. И. Титова, посвящая свой «первый плод трудов» князю Николаю Борисовичу Юсупову (1750—1831), заявляла, что к этому ее побуждает «долг родства».¹¹⁹

К концу столетия в текстах дедикаций стала чаще означаться степень родства между автором и адресатом. Так, Иван Морков посвятил свой перевод «его высокопревосходительству господину генерал-поручику Ивану Петровичу Моркову, милостивому государю и дядюшке».¹²⁰ Николай Неплюев, обращаясь к «его превосходительству действительному статскому советнику Орловскому губернатору и кавалеру» Семену Александровичу Неплюеву, назвал себя его «двенадцатилетним племянником».¹²¹ Владимир Васильев, нарушив установленный этикет, не упомянул не только чинов своего адресата, но даже его имени и отче-

¹¹⁶ [Геснер С.]. Потоп / Перевел с французского на русский Алексей Сергеев. М., 1783. С. 5 нenum.

¹¹⁷ [Палере Ж.]. Краткое описание Швейцарии / Перевел с французского Василий Овцын. М., 1789. С. 5 нenum.

¹¹⁸ [Флориан Ж.-П.-К.]. Миртиль и Клоэ, пастушеская драма. Переведенная с французского языка на русский Артиллерийского и инженерного шляхетного кадетского корпуса кадетом Яковом Вестманом. СПб., 1793. С. 5 нenum.

¹¹⁹ [Жанлис С.-Ф.]. Слепая в Спа, комедия в одном действии. <...> / Перевела с французского Е... [Елизавета] Т... [Титова]. М., 1797. С. 5 нenum. О Е. И. Титовой см.: Рабинович А. Титова Е. И. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 : (К—П). С. 245.

¹²⁰ [Юм Д.]. Жизнь Давыда Гума, описанная им самим / Переведена с аглинского языка на французский, а с французского на русский Иваном Морковым. М., 1781. С. 3 нenum. Об И. А. Моркове см.: Рак В. Д. Морков И. А. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 : (К—П). С. 299.

¹²¹ Вольтер. Слово похвальное французским офицерам, умершим на войне в 1741 году. <...> / Перевод Николая Неплюева. М., 1787. С. 5—6 нenum.

ства, начав свое посвящение словами: «Милостивый государь дядюшка!»¹²²

Естественно, что покровителями юных родственников чаще всего оказывались лица мужского пола, но есть и примеры дедикаций, обращенных к «тетушке». Так, Е. А. Саблукова (1777—1846) «приписала» свой перевод княгине Анне Андреевне Урусовой (по первому мужу Муравьевой, урожденной Волковой), называя ее «милостивой государыней тетушкой» и уверяя ее в своем «почтении и преданности» за полученные от нее милости.¹²³ Посвящая свой труд «Ее высокоблагородию милостивой государыне тетушке Катерине Алексеевне Демидовой, урожденной Жеребцовой», Андрей Стахийев писал: «Великие Ваши милости, каковые Вы всегда изволили мне изъявлять, исполнили сердце мое истинною к Вам признательностию и возжгли во мне желание изъявить Вам оную; радостный день Вашего ангела избрал я к сему способнейшим, в который при поднесении Вам моего усерднейшего поздравления, осмеливаюсь также повергнуть Вам и сей малый опыт моих трудов, яко знак моей к Вам благодарности».¹²⁴

Редки, но знаменательны посвящения сестре: на первом плане здесь оказывались родственные чувства, а не благодарность за милости. Эти посвящения отличаются своей лаконичностью. Б. К. Бланк (1769—1825)¹²⁵ сопроводил один из своих переводов следующей дедикацией: «Ее высокородию милостивой государыне Софье Карловне Замятниной. В знак искреннейшего почтения и нелестной преданности посвящает брат ее Борис Бланк».¹²⁶ Посвящение Н. Д. Горчакова сестре Дарье Дмитриевне явилось непосредственным откликом на постигшее их семью горе — смерть матери. Свой небольшой прозаический этюд «Плач мой на гробе моей матери» автор открыл трогательными строками: «Дарье

¹²² Изображение честного и благоразумного человека / Перевел с французского Владимир Васильев. СПб., 1797. С. 3 нenum.

¹²³ Упражнение Аделаиды / Перевела с французского К: [Катерина] С: [Саблукова]. СПб., 1791. С. 5—6 нenum. О Е. А. Саблуковой см.: *Кочеткова Н. Д.* Саблукова Е. А. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 3 : (Р—Я). С. 84.

¹²⁴ [Жоффре Л.-Ф.]. Прелести детства и удовольствия матерния любви / Переведено с французского Андреем Стахийевым. СПб., 1794. С. 5 нenum.

¹²⁵ О нем см.: *Степанов В. П.* Бланк Б. К. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 1 : (А—И). С. 94—95.

¹²⁶ Платонический опекун, аглинский роман / Перевод с французского. М., 1795. Ч. 1. С. 3 нenum. Родственные связи прослеживаются и в посвящении Павла Бланка (брата Б. К. Бланка?) Михаилу Алексеевичу Замятнину (вероятно, мужу С. К. Замятниной, урожденной Бланк), см.: *Мартин Б.* Грамматика философических наук <...> переведена на французский, с французского же предложена на российский Павлом Бланком. М., 1796. Ч. 1. С. 3 нenum.

Дмитриевне Горчаковой с искреннейшею любовью сочинение сие посвящает брат ее Н... Г...».¹²⁷

Так семейные посвящения, как и дружеские, при всей своей неразрывной связи с традициями жанра, открывали новые возможности для его дальнейшего развития. В тексты этих дедикаций, писавшихся нередко еще «в мундире», постепенно проникали живые человеческие чувства, отражавшие отношения между разными членами семьи. Авторами посвящений были, как правило, молодые люди, иногда подростки, и для них выступление в печати оказывалось большим событием. «Милостиво» принимавшие их дары старшие могли гордиться своими детьми или юными родственниками, и это сближало разные поколения. Литературные труды оставались в семье как памятные реликвии, а культура дедикаций постепенно избавлялась от своего помпезного официального характера. Личное, частное завоевывало право на свое место в литературной культуре.

¹²⁷ Плач мой на гробе моей матери. Сочинение Николая Горчакова. М., 1799. С. 3 нenum.